

В. В. Кондрашин, О. А. Сухова

Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х — 1950-х гг.

***Кондрашин
Виктор
Викторович***

*д-р ист. наук, проф.,
гл. науч. сотр.,
Институт российской
истории РАН
(Москва, Россия)*

***Сухова Ольга
Александровна***

*д-р ист. наук,
проф., Пензенский
государственный
университет
(Пенза, Россия)*

Анализируя современные методологические поиски в сфере российской экономической истории, можно с уверенностью констатировать формирование новой объяснительной модели, по степени своего брендинга прочно завоевавшей лидирующие позиции в системе массовых коммуникаций¹. К концу второго десятилетия XXI в. отечественная историография наконец-то обрела тот единый критерий, что определяет специфику и уникальность пути развития национальной экономики в советскую эпоху, тот образ, что вдохнул новую жизнь в дряхлеющую теорию модернизации и позволил примирить все, даже враждующие, концепции. Речь идет о дефиниции мобилизационной стратегии или модели экономики, политического режима, социального развития в целом. Представляется оправданной констатация появления исследовательского интереса к подобной проблематике в 1960–1970-е гг., когда в западной советологии формируется современная историко-экономическая трактовка термина «мобилизационная система»². Введение в научный оборот самого понятия происходит и того раньше, в 1950 г.³ В 1990-е гг. в условиях краха советской государственности и марксистской методологии истории это направление не могло претендовать на чрезмерное внимание научной общности по определению, хотя первая монография по сходной тематике увидела свет в 1993 г.⁴

Сегодня мобилизационная экономика — масштабнейшее предметное поле для исторической реконструкции советского прошлого. Интерес к теме мобилизирующегося социума в научной среде усиливается по мере возрастания угроз национальной безопасности в системе международных отношений и кризисных явлений в российской экономике. Определенный уровень концептуализации понятия достигнут в ходе широкого обмена мнениями на научных форумах. Так, дважды — в 2009 и 2012 гг. — в Челябинском государственном университете проводилась Всероссийская научная конференция на тему «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века»⁵. Появляются и новые исследования монографического характера⁶.

Вместе с тем объединение под знаменами мобилизационной экономики сторонников различных мировоззренческих и идеологических систем не снимает, а усиливает политическую ангажированность и дискуссионность данной проблематики: не решен вопрос о периодизации, не определены предметное поле научного анализа, условия функционирования подобных практик, не выявлены предпосылки и причины актуализации мобилизационных стратегий. Так, по мнению В. В. Седова, «уникальный опыт формирования и использования мобилизационной экономики» четко датируется периодом 1931–1989 гг., в то время как А. С. Сенявский отмечает значимость внеэкономических приоритетов на протяжении всей истории России⁷. И если в понимании А. С. Сенявского «советская “коммунистическая” мобилизационная модель» оценивается как первый опыт альтернативного западному варианту модернизации, выступает стратегией, опиравшейся на низшие классы общества и оказавшейся «более способной к аккумуляции ресурсов для решения задач модернизации в форсированном режиме и социально более устойчивой»⁸, то, по мнению М. Г. Мереревича, подготовка Сталина к агрессивной войне против окружающего мира послужила основой для целенаправленного формирования милитаризованной экономики, сохранившей организационно-управленческие принципы военно-мобилизационной работы и принудительные формы труда на протяжении всей истории Советского Союза⁹.

Столь пространственные рассуждения о перипетиях развития терминологической практики необходимы для формирования представления о структуре мобилизационной экономики и о положении и иерархических связях таких ее элементов, как ресурсы и способы, механизмы их получения. В этом вопросе мы разделяем мнение В. Л. Берсенева относительно возникновения мобилизационных стратегий в эпоху Нового времени с момента появления регулярных армий¹⁰. Именно регулярность существования воинских формирований будет задавать необходимость концентрации и перераспределения государственных доходов для обеспечения армии, что, соответственно, и вызовет к жизни мобилизационные практики управления. В свою очередь, опыт захвата власти политической силой, не обладавшей широкой поддержкой населения страны, эскалация конфликта в условиях Гражданской войны многократно усилят значение военных методов управления. Этот выбор является естественным условием сохранения устойчивости общественно-политической системы и под давлением извне (известный императив И. В. Сталина — «отсталых бьют»¹¹), под воз-

действием внешней угрозы, что также предполагает аккумуляцию внутренних ресурсов. Стоит лишь добавить, что в силу специфики цивилизационного развития вплоть до середины XX в. основным источником мобилизационного развития России выступало крестьянство, которому и была уготована участь первой жертвы сталинской индустриализации. В этом контексте перспектива светлого социалистического будущего, перековка крестьянства под требования индустриального общества выглядела тревожно-пугающей.

Мобилизационный посыл ощущается уже в возникновении установки на «настоящие большевистские темпы в деле строительства социалистического хозяйства», что закрепляется в дискурсе советского политического истеблишмента в начале 1930-х гг.¹² Новая стратегия, по сути, предполагала реактуализацию исторического опыта доиндустриальной эпохи и возрождение внеэкономических форм принуждения. В современной отечественной историографии система принудительного труда прочно утвердилась на предметном поле изучения мобилизационной экономики в качестве основного механизма достижения желаемой цели, способа концентрации ресурсов¹³. Сопутствующими и не менее важными процессами называются милитаризация управления, формирование административно-командной модели, что оценивается и как цель, и как результат развития мобилизационной экономики¹⁴.

В этом контексте цель коллективизации прочитывается как создание и утверждение особой системы общественно-политических связей, а в терминах предшествующих эпох — форм зависимости, обеспечивавших распределение государственного тягла среди основных субъектов хозяйственной деятельности в аграрном секторе экономики¹⁵. На новом технологическом уровне возрождались архаичные практики управления, а вместе с ними и сопутствующие привычки сознания и поведения, в том числе в формате социального сопротивления административному произволу и прессингу (что фарисейски преподносилось как усиление борьбы классов¹⁶). Несмотря на декларацию благих намерений по созданию машинной основы аграрного производства, заимствование управленческих стратегий доиндустриальных эпох особо и не скрывалось политическим руководством СССР («Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить нынешний темп развития индустрии»¹⁷). Здесь же стоит упомянуть и об изнанке социального проекта: «широчайшая агитация среди крестьянских масс в духе коллективизма»¹⁸ дополнялась расколом деревни, маркировавшим крайних антиподов по положению в структуре социалистического хозяйствования и системы распределения как «кулаков» и «стахановцев». Памятуя о принуждении к труду в колхозной системе, вряд ли можно полностью согласиться с оценкой В. В. Седова энтузиазма строителей первых пятилеток как особого психологического настроя, «мобилизационного сверхресурса», пришедшего на смену «капиталистической конкуренции»¹⁹. Так, материалы региональных архивов свидетельствуют о том, что на фоне постоянного недоедания и голодовок основной массы колхозников до 45 % работников МТС (трактористы и рабочие, занятые на ремонте сельскохозяйственной техники)

к началу 1944 г. получали «улучшенные стахановские обеды» (в том числе, при наличии, до 1 литра водки в рамках дневной нормы)²⁰.

Позиционируя колхозную систему как базовый ресурс и структурный элемент советской мобилизационной экономики, выделим основные параметры анализа, к которым относятся: периодизация формирования колхозной системы в соотношении с утверждением мобилизационной модели развития (при этом критерием деления может выступить и, так сказать, чистота эксперимента — главенствующее положение внеэкономических стимулов в иерархии управленческих практик, и степень административного нажима, огосударствления производственной повседневности); непосредственно методы принуждения к труду в советской деревне; типология мобилизующих управленческих практик как идущих сверху, так и низового уровня; тактика сопротивления властным импульсам (важная в связи с милитаризацией повседневности); наконец, содержание коммуникативных практик и реакций массового сознания, опосредованных складыванием мобилизационной модели управления, и т. д.

Выявление масштаба и интенсивности огосударствления хозяйственных практик определяет протяженность во времени отдельных этапов развития мобилизационной модели управления сельским хозяйством. Бесспорной представляется оценка 1929–1931 гг. как этапа максимального по амплитуде административного диктата, этапа принудительного слома прежней и насаждения новой хозяйственной модели. Доступный арсенал инструментов воздействия строился почти исключительно на прямом насилии («принудительное изъятие скота... самовольные обыски, аресты и т. д.»²¹). В делопроизводственной документации ОГПУ наличие подобных фактов объяснялось подменой массово-разъяснительной работы «голым администрированием»²². Реализация кооперативного проекта в формате утопии привела к экономическому и управленческому коллапсу, вызвала голод и гибель значительной части сельского населения. В таких условиях необходимость сохранения контроля над положением дел в стране вызвала к жизни введение дополнительных мер по укреплению административного присутствия государства в жизни колхозного крестьянства. Роль агентов власти в период 1933–1934 гг. выполнили политотделы МТС, сформированные из кадрового корпуса ОГПУ и наделенные чрезвычайными полномочиями²³.

Относительная стабилизация функционирования колхозной системы и принятие нового Устава сельскохозяйственной артели в 1935 г. обозначили формирование правового поля для хозяйственных практик, а по сути, гарантий выживания крестьянского двора. Были установлены размеры приусадебного участка и регламентирован порядок учета и оплаты труда в общественном производстве. Этот этап, связанный с некоторым ослаблением административного присутствия государства в деревне и, соответственно, адаптацией крестьянства к чрезмерной интенсификации труда и изъятию произведенной продукции, ограничен серединой 1939 г. Заметных результатов применение частичной либерализации методов управления не принесло: из-за неблагоприятных погодных условий в засушливые 1936–1938 и 1939 гг. происходит снижение объемов производства зерновых, что вызвало необходимость даль-

нейшей корреляции курса в целях противодействия сокращению трудовых ресурсов колхозной системы. С одной стороны, весной 1938 г. власти отреагировали на массовые факты исключения колхозников из колхоза по решению правлений и даже председателей сельхозартелей и запретили «чистку колхозов под каким бы то ни было предлогом», с другой — осудили практику «растранивания» артельных доходов как «антиколхозную». В ст. 12 Устава сельхозартели были внесены изменения, в том числе устанавливающие обязательную долю денежных доходов колхозов, распределяемых по трудодням, в размере не менее 60–70%²⁴. Тем не менее осенью 1938 г. органы НКВД зафиксировали срыв очередной кампании по хлебозаготовкам («случаи проявления антигосударственных тенденций и прямого саботажа со стороны отдельных руководителей колхозов и колхозников»²⁵). Сложившиеся тренды колхозной повседневности отразились в документах структур НКВД, осуществлявших мониторинг массовых настроений советских граждан на предмет выявления антисоветских проявлений, и источниках личного происхождения. Так, обращаясь к властям в письме «Мысли о колхозной жизни» 18 января 1938 г., члены колхоза «1-е Мая» Усановского сельсовета Свердловской области вынесли безапелляционный вердикт сложившейся мобилизационной модели развития: «Колхозы в нашем районе не дают таких результатов, которые бы заставили крестьянина поверить, что он до коллективизации жил хуже»; «к числу таких показателей, с которыми колхозники не могут примириться, можно отнести ежегодную вербовку людей на лесозаготовки... перегруженность колхоза плановыми заданиями... отсутствие летом выходных дней, утечку молодежи и грамотных, несемейных людей из колхоза»²⁶. Особое возмущение вызывала трудовая и гужевая повинности применительно к лесозаготовкам: «В настоящем году многие мужчины поехали на лесозаготовки со слезами, воспринимая работу на лесозаготовках как уже надоевшую повинность, чувствуя, что они едут в лес не как любители посторонних заработков, едут только потому, что правлению колхоза надо выполнить разнарядку»²⁷. В спецсообщении УНКВД по Калининской области от 20 сентября 1939 г. приведено высказывание «твердозаданца» из Овинищенского района: «О том, что Красная армия сильна, это басня. В армии-то крестьянские дети, и они знают, каково живется их родителям. Загнали всех в мешок да туго завязали, и дыши, как хочешь. Надоело это положение народу, ни отдыха, ни свободы, хуже, чем на барщине»²⁸.

В ожидании военного конфликта и внешней агрессии происходит ужесточение административного контроля трудовой дисциплины и выполнения обязательств колхозов перед государством по поставкам сельскохозяйственной продукции²⁹. Одновременно усиливаются масштабы и интенсивность агитационно-пропагандистской деятельности. Так, майский 1939 г. пленум ЦК ВКП(б) одобрил постановление об организации «широкой мобилизации колхозных масс», работников МТС, совхозов и т. д. на проведение сева и уборки урожая³⁰. Значение принятых документов определялось советским руководством как исключительное «в деле борьбы за всемерное организационно-хозяйственное укрепление колхозного строя, за сталинские 8 млрд пудов зерна»³¹. Формат проведения подобных мобилизационных кампаний, связанных с организацией

сева и уборки урожая, сохранился и в следующие годы, включая вторую половину 1940-х — начало 1950-х гг.³² На сакрализацию идеи «борьбы за хлеб как важнейшей государственной задачи» были направлены все средства пропагандистской машины: от прессы и радиовещания с ритуализированными призывами выполнять социалистические обязательства до повседневной политико-воспитательной работы низовых партийных структур, тиражирования «встречных» инициатив (нередко инспирированных властями) и поддержки социалистического же соревнования.

Итогом борьбы против разбазаривания общественных земель колхозов к осени 1939 г. стало выявление излишков земли почти в половине хозяйств колхозников, единоличников и других нечленов колхозов. Свыше 2,5 млн га земли было изъято и «прирезано» к колхозным землям. В числе результатов мобилизационных усилий — рост средней выработки трудодней в расчете на одного колхозника: по данным отчетов по 173 тыс. колхозов страны, с 221 трудодня в 1938 г. до 233 трудодней в 1939 г. Вместе с тем количество колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней, составило 16,4 %, а в ряде областей и республик доходило до 29–39 % (Московская, Пензенская, Тамбовская области, Мордовская АССР и др.)³³. Логика развития мобилизационной модели требовала постоянного возрастания административного присутствия в деревне, усиления массовой политической работы, а следовательно, и числа партийных работников, призванных сыграть роль непосредственных регуляторов хозяйственной деятельности. Бесперспективность такого сценария очевидна. В начале 1940-х гг. колхозная система демонстрировала устойчиво кризисный характер развития, что подтверждается ростом задолженности колхозов перед государством. Так, только по Пензенской области, несмотря на то что в 1940 г. колхозы области сдали зерна государству больше чем за предыдущие два года вместе взятые, а по отношению к 1938 г. — почти в три раза больше, хозяйствам области было необходимо еще до 29,9 тыс. пудов зерновых культур, требуемых для возврата ссуд и недоимок прошлых лет, что составляло свыше 50 % к общему плану хлебопоставок³⁴.

Характеризуя усилия политического руководства по укреплению мобилизационных скреп аграрной политики в 1939–1941 гг., во время ужесточения трудового законодательства, важно подчеркнуть, что основанием, стабилизирующим советскую экономику, неким противовесом, компенсирующим издержки и ответственным за сегменты восстановления и развития системы, с момента запуска сталинской индустриализации вступали рыночные методы хозяйствования. Собственно, Устав сельхозартели и 1930, и 1935 гг., обязывая колхозников точно соблюдать установленные государством плановые задания, ударно трудиться, провозглашая недопустимым отказ члена артели от поручаемой ему работы, объявляя хищение колхозной собственности изменой «общему делу колхоза и помощь врагам народа», не исключал сдельную форму оплаты труда и наем временных рабочих³⁵. Отдельными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР в марте 1941 г. повсеместно вводилась дополнительная оплата труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства сверх установленной оплаты тру-

додней (до 50 % натурой или деньгами) в том случае, если колхоз выполнял государственные задания, а колхозники — установленное количество трудодней³⁶. Сохранение рыночных механизмов представляется неизбежным и необходимым методом стимулирования производительности труда в условиях сохранения низкой степени эффективности колхозного производства в целом. Внедрение экономических стимулов также осуществлялось посредством административных решений. Так, проведенная по горячим следам проверка выполнения постановления 1941 г. в ряде районов Тамбовской области показала, что важнейшие решения на собраниях колхозников не прорабатывались, звенья были созданы только на бумаге: «Люди работают скопом, индивидуальная сдельщина не применена»³⁷. Для исправления ситуации «работникам периферии» было приказано в трехдневный срок восстановить реальную работу звеньев и довести до них производственные задания по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Об исполнении приказа предстояло доложить к 10 июля 1941 г.³⁸

К началу Великой Отечественной войны формирование организационного каркаса мобилизационной модели в целом было уже завершено, что обеспечило скорейший перевод хозяйственного механизма на военные рельсы и успех проведения мобилизационных кампаний. Направленность последующих решений была связана лишь с интенсификацией административного начала и максимальным вовлечением наличных трудовых ресурсов в общественное производство. Помимо двукратного роста налогового бремени, советскую деревню ожидало увеличение обязательного минимума трудодней. 13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают два постановления, ориентированные на дальнейшую мобилизацию населения тыловых регионов страны. В качестве обязательной трудовой повинности, подкреплявшейся уголовным преследованием и принудительными работами на срок до шести месяцев с удержанием 25 % заработка, была введена мобилизация на сельскохозяйственные работы трудоспособного населения сел и городов, не занятого в общественном производстве, главным образом учащихся, студентов техникумов и вузов. Другим решением на 50 % увеличен размер обязательного минимума трудодней, за невыполнение которого также назначались принудительные работы. Впервые установлен минимум трудодней для подростков — членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет (не менее 50 трудодней в году)³⁹.

Политико-разъяснительная работа с населением проводилась в традиционном формате: тексты постановлений зачитывались на общих собраниях, собраниях колхозного актива, бригадных собраниях, на фермах и т. д. В некоторых колхозах, например в колхозе им. XVIII съезда ВКП(б) Омской области, всем колхозникам были разосланы повестки с указанием минимума трудодней, подлежащих выработке по отдельным сельскохозяйственным периодам. Эффект от проведенных акций местные власти зафиксировали незамедлительно: «Резкое повышение выхода колхозников на колхозные работы, причем колхозным бригадирам уже не приходится бегать по домам колхозников и созывать колхозников и колхозниц на работу в колхоз. Как правило, колхозники сами вовремя являются на работу и приступают к работе согласно полученным

накануне нарядам от бригадира. Прогулы и невыходы на работу без уважительной причины, как массовое явление в колхозах, резко сократились... В огромном большинстве колхозов подросткам выписаны трудовые книжки отдельно от их родителей и совершеннолетних членов двора и заведены на них лицевые счета»⁴⁰. Вместе с тем проверки Наркомзема СССР, проведенные летом 1942 г., установили, что во многих колхозах Тамбовской, Пензенской, Горьковской, Саратовской, Сталинградской областях и в Татарской АССР имелись недостатки в учете труда: «В ряде колхозов бригады и звенья числятся только на бумаге, фактически же работа производится обезличенно; отсутствуют правила внутреннего распорядка колхоза, и колхозники не работают полный рабочий день — от зари до зари, как предусмотрено в указаниях партии и правительства; колхозникам заблаговременно с вечера не даются указания (наряд) о характере и месте работы на предстоящий день, а в отдельных колхозах председатели правлений и бригадиры вообще не требуют выхода на работу колхозников, мотивируя “отсутствием работы”; не организованы детские ясли и детплощадки для детей колхозников, чем большая группа колхозников лишается возможности работать в поле и выработать установленный минимум трудодней»⁴¹. Помимо массовой агитации и разъяснительной работы, активно использовалась и репрессии, причем уголовному преследованию подлежали председатели и бригадиры за уклонение от предания суду колхозников, не выработавших минимума трудодней. По данным на 17 сентября 1942 г. только в Новосибирской области суды рассмотрели 7610 дел по не выработавшим минимум колхозникам и признали виновными 4926 чел.⁴²

Однако, как показывает практика, введение принудительных мер и репрессий в отношении колхозников, уклонявшихся от работы в общественном производстве, не стало фактором подъема аграрного производства в стране. Так, в 1939 г. в целом по СССР 15,8 % всех взрослых трудоспособных колхозников не выработали обязательного минимума (8,4 % мужчин и 22,2 % женщин). В 1940 г. удалось добиться снижения данного показателя до 11,5 %, но в дальнейшем за годы войны происходит постепенное увеличение числа колхозников, не выработавших установленного минимума (до 16,2 % в 1944 г. и 15,4 % в 1945 г.)⁴³. Отдельные подсчеты по тыловым регионам страны дают стабильное значение показателя в районе 12 % (максимальное значение показателя было зафиксировано в Пензенской области и Мордовской АССР — 32,5 % и 30,3 % в 1945 г.), фиксируется лишь незначительное снижение удельного веса женщин, не выполнивших минимума, но это объясняется сокращением мобилизационных ресурсов в советской деревне и ростом производственной активности женщин, заменивших ушедших на фронт мужчин. Отдельно отметим неуклонное увеличение среднегодовой выработки по трудодням в тыловых регионах в целом: с 250 трудодней в 1940 г. до 267 трудодней в 1945 г., при этом трудовое участие женщин возросло со 193 до 245 трудодней соответственно⁴⁴. В этом же ряду снижение доли колхозников, исключенных из колхоза и потерявших право на пользование приусадебным участком: с 8,5 % в 1939 г. до 2,4 % в 1945 г. Власти были всерьез обеспокоены поиском новых стимулов к росту общественного производства, так как норма выработки трудодней не обеспечивала увели-

чения трудовой активности, но узаконивала возможность минимального участия колхозников. Этому способствовало и состояние колхозной системы в целом: численность трудоспособных колхозников на 1 января 1946 г. сократилась до 67,5% от уровня 1940 г., посевная площадь в 1946 г. составила 71%, на 23,5% снизилось общее количество выработанных трудодней, а количество зерна, выданного на трудодни, уменьшилось с 2 ц в расчете на душу населения, или 152,4 млн ц в целом, в 1940 г. до 0,74 ц, или 48,7 млн ц в целом, в 1945 г. (чуть более 200 г в день; в Пензенской области и Мордовской АССР в 1945 г. колхозники получили по 0,4 ц на душу населения, или 110 г в день)⁴⁵. Логика мобилизационной экономики диктовала необходимость пересмотра минимума трудодней, исходя из фактической среднегодовой выработки трудодней одним трудоспособным за военные годы и довоенный период и с учетом потребностей развития народного хозяйства. Такие псевдонаучные проекты всерьез обсуждались в ведомственных кабинетах. В качестве новых санкций для колхозников, не выработавших минимума, в целях корректировки прежних норм предлагалось установить нормы обложения двора, где нарушения имели место, по ставкам, действовавшим для единоличников, и изымать долю «нерадивого колхозника» из площади приусадебного участка в пользу колхоза⁴⁶.

В рамках следующего этапа, связанного с восстановлением народного хозяйства в послевоенный период (1945 — начало 1950-х гг.), с учетом крайне неблагоприятной экономической ситуации в аграрном секторе экономики, можно предположить как сохранение прежнего мобилизационного курса (методы внеэкономического принуждения), так и активизацию рыночных механизмов. Кризис аграрного производства в СССР в годы военных действий вызвал к жизни частичную либерализацию экономической политики, изменился и общий тон констатирующей части делопроизводственной документации: «В военное время усилился спрос на сельскохозяйственную продукцию. Война потребовала значительного повышения товарности колхозов»⁴⁷. В продолжение компенсационной поддержки 19 апреля 1948 г. Совет министров СССР принимает Постановление «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», требовавшее ликвидировать обезличивание использования колхозных земель, уравниловку в оплате труда, укрепить бригадную и звеньевую системы организации труда, строго соблюдать принцип закрепления за полеводческими бригадами участков, применять сдельную оплату труда, усилить материальную заинтересованность председателей колхозов, бригадиров и заведующих животноводческими фермами⁴⁸. Одновременно постановление констатировало сохранение «устаревших заниженных норм выработки и завышенных расценок работ в трудоднях», что не позволяло учесть «достигнутого роста производительности труда колхозников». В связи с этим колхозам, в которых достигнут более высокий уровень производительности труда, было рекомендовано «повышать нормы выработки»⁴⁹.

Мобилизационный сектор гибридной модели был укреплен решениями февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 г., сохранившего на послевоенное время повышенный в 1942 г. обязательный минимум выработки трудодней трудоспособными колхозниками⁵⁰. В соответствии с этим решением Пленума ЦК ВКП(б)

приняты Постановления Совета министров о продлении действия повышенного обязательного минимума трудодней на 1949 и 1950 гг.⁵¹ Действенным инструментом оздоровления колхозной системы и максимизации административных возможностей управления рассматривался Указ Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Предваряющее Указ закрытое письмо ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР от 25 мая 1948 г. директивно нацеливало местные власти на тотальный охват организационными усилиями всех колхозов и сельских советов. Так, согласно Постановлению Талицкого района Свердловской области, с 22 по 27 июня для проведения колхозных собраний и сессий сельсоветов предстояло командировать в село представителей райкома и райсовета и обеспечить «выход на работу всех колхозников, добиться, чтобы нигде не работающие граждане вступили в колхоз или занялись общественно полезным трудом в промышленности или госучреждениях и организациях»⁵². Обсуждение вопроса о том, в каких колхозах и когда будут проводиться собрания на основе Указа от 2 июня 1948 г. и кто персонально будет рекомендован к выселению, было вынесено на заседание бюро РК ВКП(б) 30 июня 1948 г.⁵³

Таким образом, в период 1930-х — начала 1950-х гг. общими трендами развития аграрной политики выступали огосударствление производственной повседневности и ужесточение практик внеэкономического принуждения по отношению к колхозной деревне. Следует отметить исключительное значение организационных усилий по концентрации и перераспределению ресурсов в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее очевидно, что жизнеспособность подобных методов управления обеспечивалась не столько ростом масштабов административного присутствия, сколько сохранением рыночных механизмов, обеспечивавших минимальную эффективность гибридной модели.

Явная абсурдность и тщетность административных кампаний выступает свидетельством кризисной природы мобилизационной экономики, указывает на ее темпоральную ограниченность, а также на наличие социальных регуляторов экстремальной повседневности. Крестьянство постепенно адаптировалось к требованиям системы, приспосабливая сложившиеся правила игры под свои потребности и интересы.

¹ См. об этом: *Фокин А.А.* Мобилизационная экономика за пределами науки: рецепция термина в Рунете // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всеросс. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2012. С. 107–113.

² См. об этом: *Баканов С.А.* Мобилизационная модель развития советского общества: проблемы теории и историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 18 (309). История. Вып. 56. С. 87.

³ См. об этом: *Берсенева В.Л.* Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 15–20. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/02.pdf (дата обращения: 01.04.2019).

⁴ *Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

- ⁵ Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов I Всеросс. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2009; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всеросс. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2012.
- ⁶ См., напр.: *Фонотов А. Г.* Россия: инновации и развитие. М., 2010; *Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А.* Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск, 2013.
- ⁷ Мобилизационная модель экономики... Челябинск, 2012. С. 5, 8–9, 64.
- ⁸ *Сенявский А. С.* Советская модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 64.
- ⁹ *Меерович М. Г.* Тайные пружины советской индустриализации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 98–99.
- ¹⁰ *Берсенева В. Л.* Мобилизационная модель... С. 17.
- ¹¹ *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 13. М., 1951. С. С. 38.
- ¹² Там же.
- ¹³ См. об этом: *Кириллов В. М.* Принудительный труд в СССР: историографический аспект // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 81–90; *Меерович М. Г.* «Кто не работает, тот не живет...» — советская система принуждения к труду // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2017. С. 176–187; ГУЛИАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л. Бородин, П. Грегори, О. Хлевнюк. М., 2008.
- ¹⁴ См., напр.: *Седов В. В.* Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов I Всеросс. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2009. С. 8; *Сенявский А. С.* Советская модель... С. 66.
- ¹⁵ См. об этом: *Кондрашин В. В.* Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 3–13.
- ¹⁶ *Сталин И. В.* Об индустриализации и хлебной проблеме: речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1929 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 170.
- ¹⁷ Там же. С. 159.
- ¹⁸ Там же. С. 163.
- ¹⁹ *Седов В. В.* Мобилизационная экономика прошлого — требование настоящего и будущего // Мобилизационная модель экономики... Челябинск, 2012. С. 9.
- ²⁰ Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. п-148. Оп. 1. Д. 1228. Л. 67, 77.
- ²¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док.: в 10 т. Т. 10 (1932–1934 гг.) / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров: в 3 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 42.
- ²² Там же.
- ²³ См. об этом: *Кондрашин В. В., Мозохин О. Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М., 2017. С. 280–281.
- ²⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 23–29.
- ²⁵ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939 / под ред. А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова и др. М., 2012. С. 706.
- ²⁶ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М., 2006. С. 137.
- ²⁷ Там же. С. 139.
- ²⁸ Там же. С. 796.
- ²⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 109–115.

- ³⁰ Там же. С. 115.
- ³¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 5. 1937–1939, кн. 2. 1938–1939 / под ред. В. Данилова. М., 2006. С. 428.
- ³² См. об этом: *Кимерлинг А. С.* Борьба за урожай: мобилизационные кампании в деревне в 1946–1953 годах (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. 2017. № 4 (39). С. 109–118.
- ³³ Приводится по: Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 2. С. 512–513.
- ³⁴ ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 414. Л. 5–7, 8.
- ³⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1940 годы. М., 1967. С. 519–530. 797
- ³⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 71 а.
- ³⁷ Там же. Д. 141. Л. 278 об.
- ³⁸ Там же. Л. 277–278.
- ³⁹ СССР. Совет Народных Комиссаров. Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству за 1942–1944 годы. М., 1944. С. 47–53.
- ⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 142. Л. 344.
- ⁴¹ Там же. Д. 135. Л. 44
- ⁴² Там же. Д. 142. Л. 253.
- ⁴³ Там же. Д. 542. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2, 5.
- ⁴⁵ Там же Л. 4–5.
- ⁴⁶ Там же. Л. 8.
- ⁴⁷ Там же. Д. 135. Л. 70.
- ⁴⁸ Там же. Д. 557. Л. 1–18.
- ⁴⁹ Там же. Л. 5.
- ⁵⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 140.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 2.
- ⁵² Колхозная жизнь на Урале... С. 653.
- ⁵³ Там же.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2019 г.
Рекомендована в печать 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кондрашин В. В., Сухова О. А. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х — 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 979–992. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.410>
УДК 947.084.5

Аннотация: Анализируя современные методологические новации в сфере российской экономической истории и документальные свидетельства, авторы рассматривают колхозную систему как основной ресурс и структурный элемент советской мобилизационной экономики. В числе основных параметров изучения: периодизация формирования колхозной системы в рамках мобилизационной модели развития; непосредственно методы принуждения к труду в советской деревне; типология мобилизующих управленческих практик; тактика сопротивления властным импульсам; содержание коммуникативных практик и реакций массового сознания, опосредованных складыванием мобилизационной модели управления. Принятие советской властью экстраординарных мер по принуждению колхозников к труду, с одной стороны, свидетельствует о бесплодности усилий мобилизационной модели обеспечить постоянный рост производительности труда, а с другой — представляет собой косвенное доказательство действия адаптационных механизмов, компенсировавших негативное воздействие системы. Сложившаяся специфика социально-политического взаимодействия в период 1930-х — 1950-х гг.

демонстрирует несогласованность, антиномичность реальных и декларируемых целей аграрной политики. Мобилизационная модель (экономически оправданная только в условиях внешней агрессии), демагогически прикрытая перспективой строительства социализма, большевистскими темпами и восприятием крестьянства в духе коллективизма, в реальности не содержала стратегии развития, выступая лишь инструментом для оптимизации ресурсов и попутно решая задачи поддержания социально-политической стабильности. Жизнеспособность крестьянского хозяйства в этих условиях обеспечивалась сохранением рыночных элементов (наличие приусадебного участка, возможность реализации продукции на рынке и т. д.), присутствовавших в экономике на протяжении всего рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, мобилизационная экономика, колхозная система, крестьянство, сталинская модернизация, принудительный труд, сельское хозяйство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-09-00125\18 «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.».

Сведения об авторах: Кондрашин В. В. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН (Москва, Россия); vikont37@yandex.ru | Сухова О. А. — д-р ист. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); suhhov747@yandex.ru

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

FOR CITATION

Kondrashin V. V., Sukhova O. A. 'The Collective Farm System as the Main Resource of the Mobilization of the Soviet Economy in the 1930s–1950s', Modern History of Russia, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 979–992. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.410>

Abstract: The authors consider the collective farm system as the main source and structural element of the Soviet mobilizational economy by analyzing modern methodological innovations in Russian economic history and documentary evidence. Among the main parameters of the study are: periodization of the collective farm system within the mobilization model of development; methods of forced work in the Soviet village; the typology of mobilizing management practices; the tactic of resistance to power; and the content of communicative practices and mass consciousness reactions, mediated by the formation of the mobilization management model. These data indicate that the existing specificity of socio-political interaction from the 1930s to the 1950s demonstrates inconsistency and the antinomy of real and declared goals of agricultural policy. The mobilization model (economically justified only in conditions of external aggression), demagogically covered by the opportunity of building socialism, Bolshevik policy, and education of the peasantry in the spirit of collectivism, in reality did not have development as its basis. It was only a tool to optimize resources and solve the tasks of maintaining socio-political stability. The viability of peasant farming in these conditions was provided by maintaining some market elements (the household plot, the possibility to sell products at the market, etc.), which were present in the economy throughout the period under review.

Keywords: the Soviet Union, mobilization economy, collective farm system, peasantry, stalinist modernization, forced work, agriculture.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-09-00125\18 "Economy and practices of social interaction in the Soviet countryside in the context of the USSR mobilization economy in the 1930s — early 1950s".

Authors: Kondrashin V. V. — Dr. Sci. in History, Professor, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); vikont37@yandex.ru | Sukhova O. A. — Dr. Sci. in History, Professor, Penza State University (Penza, Russia); suhhov747@yandex.ru

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia
Penza State University, 40, ul. Krasnaya, Penza, 440026, Russia

References:

- Bakanov S. A. 'The mobilization model of development of the Soviet society: problems of theory and historiography', *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 18 (309), Istorii, vol. 56, 2013. (In Russian)
- Bersenev V. L. 'The mobilization model of development of the Soviet society: problems of theory and historiography', *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*, no. 1, 2016. (In Russian)
- Collective farm life in the Urals. 1935–1953*, eds H. Kessler, G. E. Kornilov (Moscow, 2006). (In Russian)
- Fokin A. A. 'Mobilization economy beyond science: reception of the term in RuNet', *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sb. materialov II Vseross. nauch. konf.*, eds G. A. Goncharov, S. A. Bakanov (Chelyabinsk, 2012). (In Russian)
- Fonotov A. G. *Russia: Innovation and Development* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Fonotov A. G. *Russia: from a mobilization society to an innovative one* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Mobilization Model of the Development of Russian Society in the Twentieth Century* (Chelyabinsk, 2013). (In Russian)
- GULAG: the economics of forced labor*, eds L. Borodkin, P. Gregory, O. Khlevnyuk. (Moscow, 2008). (In Russian)
- Kimerling A. S. 'The struggle for the harvest: mobilization campaigns in the village in 1946–1953 (on the example of the Molotov region)', *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 4 (39), 2017. (In Russian)
- Kirillov V. M. 'Forced Labor in the USSR: a historiographic aspect', *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 3 (56), 2017. (In Russian)
- Kondrashin V. V. 'The impact of collectivization on the fate of Russia in the twentieth century', *Rossiiskaia istoria*, no. 4, 2018. (In Russian)
- Kondrashin V. V., Mozokhin O. B. *MTS Political Departments in 1933–1934* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Meerovich M. G. "Who does not work, he does not live..." — the Soviet system of forced labor', *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* (Yekaterinburg, 2017). (In Russian)
- Meerovich M. G. 'The Secret Springs of Soviet Industrialization', *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia of the twentieth century: a collection of materials of the II All-Russian Scientific Conference*, eds G. A. Goncharov, S. A. Bakanov (Chelyabinsk, 2012). (In Russian)
- Sedov V. V. 'Mobilization economy of the past — the requirement of the present and the future', *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sb. materialov II Vseross. nauch. konf.*, eds G. A. Goncharov, S. A. Bakanov (Chelyabinsk, 2012). (In Russian)
- Sedov V. V. 'Mobilization economy: from practice to theory', *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sb. materialov I Vseross. nauch. konf.*, eds G. A. Goncharov, S. A. Bakanov (Chelyabinsk, 2009). (In Russian)
- Senyavskiy A. S. 'The Soviet model of industrial modernization: historical and theoretical problems', *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 3 (28), 2010. (In Russian)
- Soviet village through the eyes of the Cheka — OGPU — NKVD, 1918–1939: documents and materials*, in 4 vols, vol. 4: 1935–1939, eds A. Berelovich, S. Krasi'nikov, Yu. Moshkov et al. (Moscow, 2012). (In Russian)
- The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)*, vol. 7: 1938–1945; vol. 8: 1946–1955 (Moscow, 1985). (In Russian)
- The decisions of the party and the government on economic issues*, vol. 2: 1929–1940 (Moscow, 1967). (In Russian)
- The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: documents and materials*, vol. 5: 1937–1939, part 2: 1938–1939, ed. V. Danilov (Moscow, 2006). (In Russian)
- "Top Secret": *Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934): Collection of documents in 10 vols.*, vol. 10 (1932–1934), eds A. N. Sakharov, V. S. Khristoforov (Moscow, 2017). (In Russian)

Received: April 1, 2019

Accepted: September 12, 2019